

SESSION 2017

AGRÉGATION CONCOURS EXTERNE

Section : LANGUES VIVANTES ÉTRANGÈRES
RUSSE

THÈME ET VERSION

Durée : 6 heures

L'usage de tout ouvrage de référence, de tout dictionnaire et de tout matériel électronique (y compris la calculatrice) est rigoureusement interdit.

Le thème et la version sont à rédiger sur des copies distinctes.

Dans le cas où un(e) candidat(e) repère ce qui lui semble être une erreur d'énoncé, il (elle) le signale très lisiblement sur sa copie, propose la correction et poursuit l'épreuve en conséquence.

De même, si cela vous conduit à formuler une ou plusieurs hypothèses, il vous est demandé de la (ou les) mentionner explicitement.

NB : La copie que vous rendrez ne devra, conformément au principe d'anonymat, comporter aucun signe distinctif, tel que nom, signature, origine, etc. Si le travail qui vous est demandé comporte notamment la rédaction d'un projet ou d'une note, vous devrez impérativement vous abstenir de signer ou de l'identifier.

Tournez la page S.V.P.

THÈME

Il faut bien quelque fois prendre sa voiture. Et, pour cela, aller la chercher au parking. Et pour gagner le parking, il faut bien l'emprunter, cette rue, mais je m'y résous de mauvais gré, traînant les pieds, agacé par ses trottoirs bombés qui vous tordent les chevilles. Parfois distrait, le plus souvent hargneux ou vaguement angoissé, comme si ses vilains murs, sauf une façade joliment ornée, mais décrépite et crasseuse, menaçaient de se refermer sur moi.

Encore une de ces rues de la ville où semblent buter des murs aveugles de couvents, où des chapelles désaffectées abritent des gymnases ou des études notariales, où peu de commerces se risquent. Comme une arrière-cour de l'histoire, avec tout son bâti religieux recyclé, l'invocation des bons Epoux Curie, les enfants qui vocifèrent derrière des murs trop hauts, un alliage de solennité raide et de sordide, comme il s'en trouve dans les lieux pillés. La cathédrale dérobe son chevet à cette voie stratégique qui ouvre le cœur de la ville aux véhicules venus du Nord.

C'est son grand mérite, à cette rue : elle vous fait glisser du boulevard tournoyant vers le centre de la ville et le dard de Saint-Jean qui se rétracte dans les toitures à mesure qu'on s'abaisse. Pour le chauffeur, elle n'est guère plus qu'une trappe qu'il ne songe même plus à regarder. A pied, non, on ne peut pas ne pas la regarder, pour s'en affliger ou la fuir dans le ciel qui, malgré tout, la surplombe. Variable, lui. Des officines municipales et l'arrière-train du Cirque musical d'été, muet onze mois l'an, ne sauraient l'égayer. (...)

Les platanes du boulevard, ce jour-là, tendaient au ciel leurs moignons tordus, mouchetés d'argent. L'air était lourd d'essence et de pollens, et régulièrement assombri puis coloré par le passage des nuages. (...) Des employés municipaux, en attirail de cosmonautes, achevaient de nettoyer au Kärcher la stèle romaine – enfin, sa copie. La copie de la stèle du duumvir Rufinⁱ, découverte dans la fouille du parking et remise dans les réserves du musée actuellement en longs travaux.

C'est vrai ! Bientôt une nouvelle année Constantinⁱⁱ. La ville voudrait se faire pardonner d'avoir ignoré son plus glorieux enfant et de ne pouvoir exhiber quasiment rien de ses œuvres aux touristes dupés. Qu'à cela ne tienne : une exposition expiatoire fera pour un temps oublier les oublis de la cité marâtre. Quelle chance, quand on y pense ! C'est, nous assure-t-on, une « ambition culturelle » pour notre cité. Parfaitement.

Louis Martinez. L'intempérie. Paris, Fayard, 2006

ⁱ Duumvir = magistrat de la Rome antique.

ⁱⁱ Jean Antoine Constantin, dit Constantin d'Aix (1756-1844). Peintre et aquarelliste

VERSION

Наряженная елка существует лишь для тех, кто может упиваться чужой фантазией, и стоит ли описывать все сопряженное с ней. Кто любит среди холода зимы, среди города, занесенного снежными шапками, огоньки свечей и разноцветный блеск украшений, и мерцание канители, тому это и без слов понятно. Как понятны и мы с мамой, нагруженные коробками, когда, застегнув полость саней, мы едем домой на попавшемся ваньке по зимней, снежной, вечерющей, предпраздничной Москве.

В детстве зима изобывалась удивительно быстро, глядишь, и уже Вербная суббота. Зима как-то сама собой уходит из-под ног, уходит, как кораблики из бумаги, бегущие по ручьям вдоль московских тротуаров. Далее - ни с чем для меня не сравнимая трогательность церковных служб на Страстной неделе и, наконец, Пасха, величайший из православных праздников. За спиной его горного кряжа*— лето, зеленое счастливое лето.

В первый день праздника стол опять открыт на все доски, заставлен пасхами всех сортов, куличами, кренделями, окорок лежит на блюде, в горшках стоят гиацинты. В воздухе запахи очень сложные, если их разложить, это пряности, запахи гиацинтов, очень тонких духов и хорошего табака.

Мама оживленно что-то говорит, перед ней, откинувшись в кресле, с рукой, заложенной за жилет, с откинутой назад головой, - Сергей Михайлович Волнухин. Он в элегантнейшем сером костюме, поза картинная, но для него естественная. Красив - загляденье. Именно таким я хочу, чтобы он жил в моей памяти, пепельно-серый красавец.

В разные времена дома я слышал совсем для меня неинтересные разговоры про "чехарду министров", про слабость правительства, про корыстолюбие чиновников, наконец - радость по поводу убийства Распутина. Потом в иллюстрированном журнале увидел фотографии всех членов Совета министров, и стало все это уже интересней, еще позже увидел там же портреты министров Временного правительства во главе с красивым князем Львовым.

Сколько помню, еще в зиму шестнадцатого года случались забастовки, потом, при Временном, они участились. Тогда на улицах можно было встретить демонстрации с лозунгами. Иногда звонили по телефону и сообщали абонентам, что завтра с такого-то по такое-то не будет электричества - забастовка. К этому быстро привыкли.

Однажды мы с мамой направлялись в Столовый переулок, месили весеннюю слякоть на Мерзляковском. Навстречу нам шла разноперая толпа, шла нестройно, заполняя собой мостовую и тротуары. На них были красные банты, несли они красные флаги и лозунги и пели уже ставшие привычными песни. Толпа состояла в большинстве из молодежи в технической темно-синей форме и в форме полувоенной, то есть на что-то сугубо штатское была надета военная шинель. Они были молоды, впереди была календарная весна и, возможно, та некалендарная, о которой им пророчили уже столетие интеллигентские витии, "сеятели доброго, вечного". Их молодость совпала с небывалыми историческими событиями, и потому они были веселы, радостны и возбуждены.

Я спросил : "Что это, опять забастовка?"

Мама ответила кратко : "Ну нет, это уже революция".

И по ее сдвинутым бровям и твердому взгляду в пространство понял, что в революции ничего хорошего нет.

Владимир Домогацкий, Кладовка, 1960-1980.

* Кряж — цепь невысоких гор .

INFORMATION AUX CANDIDATS

Vous trouverez ci-après les codes nécessaires vous permettant de compléter les rubriques figurant en en-tête de votre copie

Ces codes doivent être reportés sur chacune des copies que vous remettrez.

► **Thème :**

Concours	Section/option	Epreuve	Matière
EAE	0434A	102A	0329

► **Version :**

Concours	Section/option	Epreuve	Matière
EAE	0434A	102B	0330